

Анатолий Шигапов

Красная Линия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вне серии

Анатолий Шигапов

Красная Линия

«Автор»

2026

Шигапов А.

Красная Линия / А. Шигапов — «Автор», 2026 — (Вне серии)

Однажды ночью успешный менеджер Иван получает странное уведомление на телефон: его отец, погибший двадцать лет назад, изменил геолокацию. Сегодня. Сейчас. Там, глубоко под землей, на станции, которой нет на картах. Так начинается путешествие в мир Красной линии — подземного пространства, где живут забытые, потерянные и те, кто сам захотел исчезнуть. Здесь пустые люди сидят на платформах в вечном оцепенении, химеры питаются воспоминаниями, а таинственный Хозяин Свалок собирает чужую боль, чтобы стать сильнее. Но главное — там, в сердце линии, его ждет отец. Живой. Настоящий. И вопрос, который мучит Ивана все эти годы: почему он не вернулся? «Красная линия» — это мистический роман-путешествие, в котором подземка становится метафорой одиночества, а поиск отца оборачивается поиском себя. Это история о том, что даже в самом страшном аду можно найти свет, если рядом есть те, кто зажжет его для тебя. Береги тех, кто рядом. Красная линия всегда под ногами.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

Красная Линия

Дорогой друг!

Ты держишь в руках книгу, которая родилась холодной зимней ночью на пустой станции метро. Я стоял на платформе, смотрел в черный зев тоннеля и думал: а что там, за поворотом? Куда ведут эти рельсы, кроме известных нам станций? И главное – кто едет в тех поездах, которых мы не видим?

Три года я спускался в метро, бродил по заброшенным заводам, разговаривал с бездомными, слушал их истории. Многие из них – настоящие. Имена изменены, но судьбы реальны. Эта книга – не совсем фантастика. Вернее, она фантастика ровно настолько, насколько мы сами готовы поверить в чудо. Но если присмотреться, если прислушаться к городу, если обратить внимание на тех, кого мы обычно не замечаем – бездомных, потерянных, забытых, – то начинаешь понимать: параллельная реальность совсем рядом.

Мой герой, Иван, был успешным менеджером. У него была квартира, машина, работа, деньги. У него не было только одного – себя. Он потерялся в мире вещей и цифр, как многие из нас теряются, не замечая этого. И однажды он шагнул в темноту – и нашел там то, что искал.

Эта книга о выборе. О том, что дом – это не стены, а люди. О том, что счастье не в деньгах, а в правде. О том, что даже в самом страшном аду можно найти свет, если рядом есть те, кто зажжет его для тебя.

Спасибо, что решился на это путешествие. Надеюсь, ты найдешь в этой истории что-то важное для себя.

Береги тех, кто рядом. И помни: Красная линия всегда под ногами.

*С уважением и надеждой,
Анатолий Шигапов*

ПРОЛОГ. СХЕМА НЕ ВРЕТ

1998 год. Город-миллионник. Декабрь.

Зима в том году выдалась снежная. Сумасшедшая, говорили старожилы. Сугробы по пояс, метели каждую неделю, а морозы такие, что птицы замерзали на лету и падали вниз каменными комочками перьев и льда.

В их дворе, между пятиэтажками, снега намело под самые окна первого этажа. Бабка Шура из соседнего подъезда ворчала, что такого не было даже в войну. Дворник дядя Коля, вечно пьяный, махал лопатой без особого энтузиазма, и к вечеру дорожки снова исчезали под белым покрывалом. Город утонул в снегу, автобусы буксовали на остановках, троллейбусы вставали, снимая «рога», а по ночам грохотали сбрасываемые с крыш глыбы, пугая детей и собак.

Иван сидел на полу в своей комнате, обклеенной плакатами с «Черепашками-ниндзя», и собирал конструктор. Пластмассовые человечки в синих масках замерли в руке, когда из кухни донеслись приглушенные голоса родителей.

– Лен, ну дай ты ему посмотреть. Он же мальчик. Ему интересно, – голос отца был тихим, вкрадчивым. – Я в его возрасте сам в депо бегал, меня никто не спрашивал.

– А если простудится? Там же сырость, сквозняки... – мать сопротивлялась, но Ваня слышал в ее голосе знакомые нотки сомнения. Она почти сдалась.

– Я его в тулуп закутаю, как маленького. И шапку надену, и валенки. И шарф до самых глаз, только нос торчать будет. – Отец умел быть убедительным, когда хотел. – Ты же знаешь меня, я за ним как за стеклышком.

Мать знала. Поэтому и уступала. Поэтому и отпускала.

Ваня уже стоял посреди прихожей, застегнутый на все пуговицы. На нем было зимнее пальто, которое мама купила на вырост, и оно висело мешком, толстый шерстяной шарф, закрывавший пол-лица, и шапка-ушанка с надвинутыми на лоб ушами. Он походил на маленького неуклюжего медвежонка.

Отец, высокий, широкоплечий, в своей старой, пропахшей мазутом машинистской куртке, стоял рядом и улыбался. Он подмигнул Ване.

– Приключение, – шепнул он одними губами. – Только никому ни слова. Наш секрет.

Мать вышла из кухни, вытирая руки о фартук. Она вздохнула, окинула их взглядом, полным тревоги и нежности, и махнула рукой.

– Идите уже. Только долго не ходите. И горячего чаю ему потом дай!

– Есть, командир! – Отец козырнул, легко, как пушинку, подхватил Ваню на руки и понес к выходу, в морозную, звенящую тишину декабрьской ночи.

На улице действительно было холодно. Тот самый сухой, злой мороз, который пробирает до костей за секунду. Иван зажмурился от резкого ветра и ткнулся носом в отцовское плечо, пахнущее тулупом, морозом и тем особенным, родным запахом депо – смесью мазута, металла и озона от электровозов.

Они шли пешком. Машины у них не было – не по карману тогда было, да и не нужна она, говорил отец, когда метро рядом. До метро – три остановки на автобусе, но сегодня они пошли через парк. Зимой парк был особенно красив: деревья в тяжелых белых шапках, фонари горят желтым, уютным светом, дорожки кое-как расчищены, и тишина, только снег поскрипывает под ногами.

– Смотри, Вань, – отец остановился и, придерживая сына одной рукой, другой показал вверх. – Видишь звезды?

Иван задрал голову, насколько позволял тулуп. Небо было чистое, вымороженное, усыпанное тысячами ярких огней. Где-то далеко, мигая красным, полз самолет.

– Вижу.

– А знаешь, что звезды – это такие же солнца, как наше? Только очень-очень далеко. До них лететь миллионы лет на космическом корабле.

– А на метро можно доехать? – вопрос вырвался сам собой. Для Вани метро было главным транспортом в мире, самым быстрым и надежным.

Отец рассмеялся. Смех у него был громкий, раскатистый, от него становилось тепло даже на тридцатиградусном морозе.

– Нет, сынок, на метро до звезд не доедешь. Метро – оно под землей. А звезды – над землей. Разные пути.

– А ты все пути знаешь? Ты же машинист, – Ваня гордился этим. Его папа водит настоящие поезда.

– Я знаю только те, по которым ездят поезда. Те, что на схемах нарисованы. А есть пути, по которым поезда давно не ходят. Забытые. Заброшенные. Их на схемах не рисуют. Никто про них не знает, кроме старых машинистов вроде меня.

Иван задумался. Забытые пути – это как? Путь – он же железный, рельсы, шпалы. Как можно забыть железо?

– Пойдем, – отец взял его за варежку. – Покажу тебе один такой путь. Только это наш секрет, ладно?

Ваня серьезно кивнул. Секреты они любили.

Станция метро «Площадь Восстания» была главной в городе. Пять линий сходились здесь, под землей, в огромный узел, в котором даже взрослые иногда путались. Ваня здесь был сто раз, все знал. Обычно тут было шумно, людно, пахло пирожками из ларька и духами. Но сегодня, поздним вечером, народу почти не было. Только редкие пассажиры с сумками, спешащие к последним поездом, да дежурные в синей форме с красными повязками, уставшие за смену.

Они спустились по эскалатору. Ваня любил стоять на ступеньке и смотреть, как фонари на стенах проплывают мимо вверх, как внизу медленно вырастает платформа. Сегодня людей почти не было, и эскалатор казался бесконечным, уходящим прямо в центр земли.

Отец провел его через турникеты, показав дежурной свое удостоверение в красной корочке. Женщина в синей форме кивнула, улыбнулась Ивану.

– Сынок? – спросила она, и в глазах ее мелькнуло что-то похожее на грусть.

– Сынок, – с гордостью подтвердил отец. – Растет смена.

– Хороший мальчик. Счастливого пути.

Они пошли по платформе. Поезда приходили и уходили, открывая и закрывая двери. Люди заходили и выходили. Обычная, привычная жизнь метро. Но сегодня отец вел его не к поезду. Он вел его в другой конец платформы, туда, где за колонной висела неприметная табличка: «Служебное помещение. Посторонним вход воспрещен».

– Пап, туда же нельзя, – Ваня знал, что таблички «нельзя» – это серьезно.

– А нам – можно, – отец подмигнул. – Я же здесь не посторонний. Я здесь работаю.

Он достал из кармана связку ключей, выбрал один, длинный и старый, и вставил в замочную скважину. Замок щелкнул с тяжелым, металлическим лязгом. Дверь открылась, пропуская их в темноту. Пахнуло сыростью и холодом, совсем не таким, как на улице, а каким-то подземным, древним холодом.

За дверью была лестница. Узкая, крутая, уходящая вниз, в непроглядную черноту. Горели только редкие лампочки под потолком, давая ровно столько света, чтобы не убиться.

– Осторожно, ступеньки скользкие, – предупредил отец, крепче сжимая руку сына. – Держись за перила и смотри под ноги. Не бойся, я рядом.

Они спускались долго. Ваня сбился со счета, сколько ступенек прошли – сто, двести, а может, и все пятьсот. Эхо от их шагов металось по узкому колодцу. Наконец лестница кончилась, и они вышли в тоннель.

Это был не тот тоннель, по которому ходят поезда. Узкий, низкий, с ржавыми трубами, тянувшимися вдоль стен. Вдоль труб висели толстые кабели, похожие на спящих черных змей. Под ногами хлюпала вода, пахло тиной, ржавчиной и мазутом. Где-то в глубине мерно капало: кап... кап... кап... Где-то далеко, кажется, скрежетал металл, а потом стихал.

– Это технический тоннель, – голос отца звучал приглушенно, почти торжественно. – Тут ходят только работники депо. Для обслуживания всяких важных штук, без которых метро не может работать.

– А куда он ведет? – спросил Ваня шепотом. Ему вдруг стало немного страшно, но и жутко интересно.

– К старой ветке. Той, что закрыли еще до войны.

Они пошли по тоннелю. Иван старался не отставать, но ноги то и дело скользили по мокрому бетону. Он хватался за отцовскую куртку. Отец шел уверенно, не глядя под ноги, словно знал здесь каждый сантиметр. Он был тут как дома. Эти тоннели были его вторым домом, его тайной жизнью.

Через некоторое время тоннель расширился, и они вышли на платформу.

Иван замер.

Это была станция. Но не такая, как наверху. Маленькая, старая, забытая. Плитка на полу во многих местах отвалилась, обнажая черный бетон. Колонны, покрытые толстым слоем пыли

и паутины, едва угадывались в полумраке. Вдоль стен тянулись деревянные скамейки, на которых уже давно никто не сидел. В углу стоял ржавый автомат с газировкой, пустой, с разбитым вдребезги стеклом. На стенах висели старые плакаты: «Слава КПСС», «Метрострой – гордость страны». Они выцвели, облупились, но слова все еще можно было прочитать.

– Это МХ-1, – голос отца эхом разнесся под сводами. – Мертвая Хорда-один.

– А почему мертвая? – спросил Ваня, разглядывая темные зевы тоннелей по обе стороны платформы. Оттуда тянуло холодом и неизвестностью. Ему казалось, что в этой темноте кто-то есть. Невидимый, неслышимый, но есть. Смотрит на них. Ждет.

– Потому что поезда сюда не ходят, – отец обвел рукой пространство. – Давно не ходят. Эту линию построили еще до войны, хотели соединить заводы. А потом планы поменялись, линию закрыли, перенесли. Так и стоит, забытая всеми.

Они подошли к самому краю платформы. Внизу, в темноте, тускло поблескивали рельсы. На них не было характерного блеска отполированного колесами металла. Рельсы были ржавыми, покрытыми какой-то слизью.

– Видишь стрелку? Вон ту, красную? – отец показал пальцем.

Ваня присмотрелся. Действительно, на путях, чуть дальше платформы, виднелся рычаг. Он был покрыт ржавчиной, но красная краска на нем еще держалась, ярким пятном выделяясь в серо-черном мире.

– Если перевести эту стрелку, поезд пойдет не на обычную станцию, а сюда. Свернет с главного пути на этот, забытый. И пропадет. Не сразу, конечно. Сначала будет ехать пять минут, десять, двадцать... А потом окажется там, где нет схем. Там, где не ступала нога обычного пассажира.

– Где? – Ваня завороченно смотрел на стрелку.

– Там, – отец обвел рукой темноту одного из тоннелей. – В другом мире. Где живут те, кого забыли. Бомжи, пропащие, потерянные. И те, кто сам захотел потеряться. Те, кому не нашлось места наверху.

Он помолчал. Где-то в глубине тоннеля что-то гроыхнуло, будто упала тяжелая дверь. Ваня вздрогнул и прижался к отцу.

– Запомни, сынок, – отец опустил на корточки, взял Ваню за плечи и посмотрел ему прямо в глаза. Так серьезно, как не смотрел никогда раньше. – Никогда туда не ходи. Слышишь? Никогда. Даже если позовут. Особенно если позовут. Потому что те, кто зовут из темноты, – они уже не люди. Они тени. Они хотят, чтобы ты стал таким же, как они. Чтобы ты тоже забыл, кто ты есть.

– А ты ходил? – спросил Ваня, чувствуя, как от этого разговора внутри разливается холод.

Отец не ответил. Он только погладил его по голове, поправил съехавшую набок шапку. В глазах его была какая-то глубокая, застарелая печаль.

– Пойдем, – сказал он, поднимаясь. – Поздно уже. Мама волнуется, наверное, спать не ложится, ждет нас.

Они пошли обратно. На прощание Ваня оглянулся. Ему показалось, что в темноте тоннеля, куда вела красная стрелка, зажегся огонек. Красный. Маленький, далекий. Он мигнул раз, другой и погас.

Больше он эту станцию не видел. Никогда.

До сегодняшнего дня.

... Утром отец не вернулся с работы.

Мать не спала всю ночь. Она ходила по квартире, курила на кухне в форточку, хотя никогда не курила. Ваня просыпался от скрипа половиц и снова засыпал под утро. А когда проснулся, мать уже звонила в депо.

– Нет, – говорила она в трубку мертвым, чужим голосом. – Не приходил. Не знаю. Да, жду.

Потом звонила в милицию. В больницы. В морги.

Иван сидел на табуретке в углу кухни, сжавшись в комок, и смотрел, как мать мечется по комнате. За окном шел снег – крупный, красивый, совсем не страшный. А в квартире было холодно, хотя батареи жгли.

Через три дня пришли люди в форме. Они говорили тихо, с сочувственными лицами. Сказали: погиб под поездом. Тело не нашли – видимо, затянуло под состав, размазало по рельсам. Соболезнуем. Крепитесь.

Были похороны без гроба. Пустой гроб. Были поминки. Соседи приходили, несли еду, говорили правильные слова, качали головами, вздыхали. Бабушка, мамина мама, приехала из деревни и все время плакала, уткнувшись в платок. Мать не плакала. Она сидела за столом белая, как стена, и молчала.

А Ваня сидел в углу своей комнаты, сжимая в руке пластмассового человечка-ниндзя, и смотрел на всех чужими, взрослыми глазами.

Он не плакал.

Он сидел и думал о том, что сказал отец на забытой станции МХ-1: *»Никогда туда не ходи. Даже если позовут. Особенно если позовут»*.

Отец пошел. Его позвали.

Иван знал это точно. Не мог объяснить, откуда знает, но знал. Чувствовал всем своим семилетним сердцем.

И он молчал.

Молчал двадцать лет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТАНЦИЯ «ЖИЗНЬ»

Глава 1. Идеальный график

Будильник зазвонил ровно в 6:30. Ни секундой раньше, ни секундой позже. Электронная трель ворвалась в сон Ивана, разорвала его в клочья, и он открыл глаза, глядя в белый, безупречно ровный потолок.

На потолке не было ни трещинки, ни пятнышка, ни пылинки. Идеальный потолок в идеальной квартире. Ремонт делала дизайнерская бригада два года назад, и с тех пор здесь ничего не изменилось. Время словно застыло, как и сам Иван.

– Доброе утро, Иван, – раздался мягкий, синтезированный голос умного дома из невидимых динамиков. – Сегодня вторник, 15 февраля. Температура за бортом минус 12, возможен снег. Ваш график: совещание в 9:15, встреча с партнерами в 14:00. Желаю продуктивного дня.

Иван не ответил. Он никогда не отвечал.

Умный дом, стоивший бешеных денег, уже включил свет в прихожей, запустил подогрев пола в ванной и начал варить кофе – ровно 7 грамм арабики средней обжарки, помол №3, температура воды 92 градуса. Из динамиков полилась тихая музыка – «Времена года» Вивальди. Зима. Уместно. Иван выбрал этот плейлист год назад и с тех пор не менял. Зачем менять, если и так хорошо?

Он сел на кровати, свесил ноги на теплый пол. Спальня была выдержана в бежево-белых тонах: минимум мебели, максимум воздуха. Кровать, шкаф-купе, пара абстрактных картин на стенах. Ни фотографий, ни сувениров, ни книг на тумбочке. Только будильник и стакан воды, который умный дом ставил сюда каждый вечер.

Иван прошел в ванную. Зеркало отразило знакомое лицо: тридцать лет, но выглядит на двадцать пять. Хорошая генетика, дорогая косметика, отсутствие вредных привычек. Глаза серые, волосы темные, подбородок волевой. Женщинам нравится. Особенно когда узнают про должность и квартиру.

Он почистил зубы электрической щеткой – она сама отсчитала две минуты, как и каждое утро. Принял душ ровно семь минут. Оптимум, выверенный годами: меньше не хватает, чтобы проснуться, больше – пустая трата времени и воды. Вытерся пушистым полотенцем, которое пахло свежестью – умный дом сам заказывал стиральный порошок с определенным ароматом, и полотенца всегда пахли одинаково, предсказуемо, правильно.

Оделся: рубашка небесно-голубого цвета, серый галстук в тонкую полоску, темно-синий костюм. Все отглажено роботом-гладилицей, все идеально сидит по фигуре. Галстук завязан ровным виндзорским узлом – Иван научился этому в университете и теперь делал это автоматически, не глядя в зеркало.

Кофе был готов. Маленькая чашка эспresso, крепкого, черного, без сахара. Иван взял ее и подошел к окну.

Двадцать первый этаж. Город просыпался внизу, под серым, тяжелым небом. Машины ползли по магистралям, образуя пробки. Люди бежали к остановкам, сжимая в руках телефоны и бумажные стаканчики с кофе. Школьники в ярких куртках тащили рюкзаки. Дворники сметали снег с тротуаров.

Жизнь кипела, бурлила, текла.

Иван смотрел на это с высоты и не чувствовал ничего.

Он допил кофе, поставил чашку в раковину. Посудомоечная машина включится вечером, по расписанию. Проверил телефон. Сорок семь уведомлений: рабочие чаты, рассылки, спам. Ни одного личного сообщения. Никто не писал просто так, без повода. «Как дела?», «Что нового?». Не с кем было писать. Все контакты в телефоне были либо рабочими, либо случайными знакомыми, с которыми связь оборвалась годы назад.

Мать звонила раз в неделю, по воскресеньям. Говорила о погоде, о соседях, о своем давлении. Иван отвечал односложно, обещал приехать, но не приезжал. Все некогда. Работа. А еще – не хотелось видеть в ее глазах ту же пустоту, что и в своей.

Он вышел из квартиры, закрыл дверь на три замка. Лифт уже ждал на его этаже – умный дом вызвал его за минуту до выхода, просчитав, сколько времени Ивану нужно, чтобы дойти от кровати до двери. Иван вошел в кабину, нажал кнопку «-2» – подземный паркинг.

Машина стояла на своем месте, под лампой с датчиком движения. Дорогой немецкий седан, черный, с кожаным салоном и подогревом всех сидений. Машина его мечты, купленная три года назад после первого крупного бонуса. Тогда он радовался. Ездил по ночам по пустым улицам, слушал музыку, чувствовал себя счастливым. Теперь – просто ездил. Из точки А в точку Б. Как робот.

Двигатель заурчал мягко, предсказуемо. Навигатор проложил маршрут, учитывая пробки. Иван выехал с паркинга и влился в поток.

Пробки в центре начинались с восьми. Он выехал в семь сорок пять, чтобы успеть до часа пик. Но все равно попал – авария на набережной перекрыла две полосы, пришлось объезжать через дворы спального района. Он не нервничал. Он вообще давно не нервничал. Отключил это чувство вместе с другими, как ненужное приложение в телефоне.

По радио играла какая-то попса. Иван переключил на новостную волну. Диктор бодрым голосом рассказывал о росте ВВП, о новых санкциях, о пожаре в торговом центре, где погибли люди. Иван слушал и не слышал. Цифры, факты, чужие трагедии – все проходило мимо, не задевая.

На светофоре он остановился рядом с автобусной остановкой. Старушка с тележкой долго не могла взобраться на высокую подножку автобуса, водитель терпеливо ждал, а пассажиры сзади начинали нервничать. Иван смотрел на это и думал: «Надо же, как медленно». Мысль скользнула и исчезла.

Бизнес-центр «Атлант» вздымался в небо стеклянной громадой. Охрана на входе узнавала Ивана в лицо, но все равно каждый раз проверяла пропуск. Правила есть правила. Иван прошел через турникет, поднялся на лифте на четырнадцатый этаж.

– Доброе утро, Иван Петрович! – секретарша Людочка улыбнулась ему профессиональной улыбкой, обнажая идеально ровные зубы. На ней было обтягивающее платье, и она кокетливо поправила волосы. – Кофе? Чай? Может быть, свежавыжатый сок?

– Спасибо, я уже, – Иван кивнул, даже не взглянув на нее, и прошел в свой кабинет.

Кабинет был большой, угловой, с окнами во всю стену. На столе – два монитора, клавиатура, телефон, ежедневник в кожаном переплете. Ничего лишнего. Ни фотографий, ни сувениров с корпоративов, ни растений. Только работа.

Иван включил компьютер. Пока система загружалась, он посмотрел в окно. Внизу, как муравьи, суетились люди. Такие маленькие, такие одинаковые. Их было трудно различать с такой высоты.

Почта: сорок семь новых писем. Двадцать три – спам, двенадцать – рассылки (биржевые сводки, новости отрасли, приглашения на вебинары), двенадцать – рабочие. Он быстро пробежался по рабочим, три письма требовали срочного ответа, остальные можно отложить.

В 9:10 зазвонил внутренний телефон.

– Иван Петрович, все собрались, – голос Людочки. – Ждем только вас.

Переговорная комната на двадцать человек. Длинный стол из светлого дерева, удобные кресла, проектор, флипчарт. Пришло всего восемь: финансовый директор Сергей Викторович, начальники отделов, пара аналитиков.

Иван открыл презентацию на проекторе, раздал заранее подготовленные распечатки. Графики поползли по экрану.

– Господа, доброе утро. Рад вас приветствовать на презентации стратегии развития на следующий квартал.

Он говорил уверенно, четко, оперируя цифрами. Рост продаж – 14 процентов. Оптимизация издержек – 9 процентов. Прогноз на следующий период – плюс 22. Все красиво, все убедительно, все просчитано до мелочей. Он делал это сотни раз и мог бы повторить с закрытыми глазами.

Иван смотрел на лица. Семеро подчиненных слушали с надеждой, кивая в нужных местах. Один начальник, Соколов из отдела закупок, смотрел с прищуром хищника, выискивая слабые места, чтобы потом использовать их в своих интересах. Иван знал все их мысли наперед. Знал, кто поддержит, кто возразит, кто промолчит. Слишком хорошо знал.

– Впечатляет, – сказал Сергей Викторович, когда Иван закончил. Он откинулся в кресле и поигрывал ручкой. – Прямо скажем, впечатляет. Ты уверен в цифрах, Ваня?

– Абсолютно. – Иван выдержал его взгляд. – Все показатели подтверждены расчетами и независимой экспертизой. Если хотите, могу предоставить детализацию по каждому пункту.

– Не нужно, верю. – Финансовый директор кивнул. – Жду отчет в понедельник, как обычно. Все свободны.

Люди зашевелились, засобирались. Кто-то хлопнул Ивана по плечу, кто-то просто кивнул на прощание. Иван собирал бумаги, выключал проектор, убирал ноутбук в сумку.

И вдруг понял: он ничего не чувствует.

Ни гордости. Ни радости. Ни удовлетворения. Только пустоту. Огромную, холодную пустоту внутри, которую ничем не заполнить – ни деньгами, ни успехом, ни новой машиной.

Он вернулся в кабинет, сел в кресло, уставился в монитор, но строчки расплывались перед глазами. Мысли ушли куда-то далеко, в детство, в тот вечер на МХ-1. Красная стрелка. Слова отца.

В дверь постучали.

– Вань, привет! – в проеме появилась голова Марины из бухгалтерии. Она была симпатичная, разведенная, с легким намеком в глазах. – Не занят?

– Заходи, – кивнул Иван.

Марина вошла, прикрыла дверь. На ней была белая блузка и строгая юбка, но взгляд был совсем не строгий.

– Слушай, внизу открыли новую кофейню. «Кофеин», слышал? Говорят, у них отличный капучино и круассаны с миндалем прямо из печи. – Она облизнула губы. – Пойдем? Через полчаса перерыв, самое то.

Иван посмотрел на нее. Красивая. Умная. Одинокая. Год назад, может, он бы и согласился. Просто чтобы не быть одному вечером. Но сейчас...

– Не могу, Марин, – сказал он, и голос его прозвучал устало. – Отчеты, сам понимаешь. Сергей Викторович до понедельника ждет.

Улыбка на ее лице дрогнула, обида мелькнула в глазах.

– Понимаю, – сказала она, но по тону было ясно, что не понимает и обижена. – Работа прежде всего. Ну, в другой раз.

Она вышла, аккуратно закрыв за собой дверь.

Иван остался один. Он знал, что Марина не вернется. Что в другой раз она уже не позовет. И ему было все равно.

Хорошо. Одному легче.

В час дня Иван спустился в столовую на первом этаже. Стеклопакетные двери, очередь с подносами, запах первых и вторых блюд. Он взял стандартный обед: салат, суп, горячее, компот. Сел за свободный столик у окна.

Ел механически, почти не чувствуя вкуса. Смотрел на людей. Сотрудники других компаний сидели за столами, болтали, смеялись. Девушка напротив кормила с ложечки молодого человека, и они ворковали, как голубки. Группа коллег обсуждала вчерашний футбол. Трое женщин в углу что-то горячо обсуждали, поглядывая на вошедшего начальника.

Иван жевал и чувствовал себя пришельцем с другой планеты. Он смотрел на них и не понимал: откуда они берут столько эмоций? Откуда берутся эти разговоры, эти улыбки, эта легкость? Или он просто забыл, как это бывает?

Он доел, отнес поднос, вернулся наверх. До встречи с партнерами оставалось еще полчаса.

В 13:45 зазвонил телефон. Экран высветил «Мама».

Иван помедлил секунду, потом ответил.

– Привет, мам.

– Ваня, сынок, здравствуй! – голос матери был бодрым, но Иван уловил в нем привычную тревогу. – Как ты? Не замерзаешь там? Морозы-то какие!

– Все нормально, мам. В машине тепло, в офисе тепло. – Он говорил коротко, глядя в монитор.

– А кушаешь хорошо? Не фастфудом одним питаешься? Я тут пирожков напекла с капустой, как ты любишь. Может, приедешь на выходные?

– Мам, на выходные у меня работа. Проект срочный.

– Работа, работа... – вздохнула она. – Всегда у тебя работа. А личная жизнь как? Встретил кого-нибудь?

– Мам...

– Ладно, ладно, молчу. – Она помолчала. – Я тут подумала... Может, съездим как-нибудь на кладбище? К отцу? Давно не были.

Иван замер. Отец. Он редко думал о нем. Слишком больно. Слишком давно.

– Мам, зима же. Снегом все завалено. Весной съездим.

– Весной, весной... – Она снова вздохнула. – Ладно, Ваня. Ты береги себя. Звони.

– Позвоню. Пока.

Он нажал отбой. Посмотрел на экран телефона. Фотография матери стояла на аватарке – старая, еще с тех времен, когда она улыбалась по-настоящему. Иван убрал телефон в ящик стола.

Весной. Обязательно весной.

Вечер тянулся бесконечно. Звонки, письма, встречи, переговоры. К шести вечера голова гудела, глаза слипались, но нужно было еще проверить отчеты отдела продаж и подготовить документы на завтра.

В 20:15 Иван наконец вышел из офиса.

Город горел огнями. Миллионы лампочек, неоновые вывески, фары машин. Люди спешили по домам, в рестораны, в кино, в гости. Иван сел в машину и поехал домой. В свою пустую квартиру, где никто не ждал.

Дорога заняла сорок минут – пробки уже рассосались. Он заехал в супермаркет у дома, купил готовый ужин в пластиковой упаковке и бутылку воды. Дома разогрел еду в микроволновке, съел, не чувствуя вкуса. Выпил воды. Включил телевизор.

Новости. Все те же. Политика, экономика, катастрофы. Он переключил на какой-то сериал, где красивые люди решали красивые проблемы. Посмотрел десять минут, выключил. Слишком фальшиво.

Он сел на подоконник с чашкой чая. За окном светились окна соседнего дома. Кто-то двигался за стеклом, кто-то танцевал, кто-то ссорился, кто-то, кажется, занимался любовью. В одной квартире накрывали на стол – видимо, ждали гостей. В другой играли с ребенком, тень прыгала по стене. В третьей двое сидели на диване и смотрели телевизор, прижавшись друг к другу.

Жизнь. Настоящая, живая, шумная.

А здесь – тишина. И пустота.

Иван допил чай, поставил чашку в раковину. Сходил в душ, как утром – ровно семь минут. Лег в кровать. Будильник заведен на 6:30. Завтра будет новый день. Такой же, как сегодня. Как вчера. Как месяц назад. Как год.

Он закрыл глаза. И вдруг – провал. Не сон, а что-то другое. Воспоминание, пришедшее ниоткуда.

Он маленький, сидит на коленях у отца в кабине поезда. За окном мелькают огни тоннеля. Отец что-то говорит, но слов не слышно. Только чувство тепла и защищенности. А потом отец исчезает, и Иван остается один в темноте, и поезд мчится в никуда, и нет тормозов, и нет выхода...

Иван резко открыл глаза.

Сердце колотилось где-то в горле. Он сел на кровати, тяжело дыша. Комната была пуста. Только свет уличных фонарей пробивался сквозь жалюзи, рисуя полосы на стене.

И в этот момент телефон на тумбочке пискнул.

Иван потянулся за телефоном, думая, что это спам или уведомление из рабочего чата. Экран светился в темноте, и на нем было сообщение. Странное сообщение, какого он никогда раньше не видел.

Обычные уведомления приходили от банков, от мессенджеров, от соцсетей. Это было другим.

Белый фон. Красная стрелка, указывающая вниз. И текст:

«Ваш отец изменил геолокацию 20 лет назад. Показать?»

Иван замер. Сердце, только начавшее успокаиваться, снова забило где-то в горле. Отец? Двадцать лет? Геолокация?

Он моргнул, думая, что это галлюцинация после сна. Но сообщение никуда не исчезло. Оно горело на экране, пульсировало, притягивало взгляд.

Это глюк. Точно глюк. Вирус. Или дурацкий розыгрыш от коллег. У них завтра первое апреля? Нет, февраль. Дурацкий розыгрыш, и все тут.

Отца нет двадцать лет. Он погиб. Все так говорят. В милиции сказали. В депо подтвердили. Тела не нашли, но... он погиб.

Палец сам, против воли, нажал «Показать».

Экран погас на секунду. А потом загорелся снова – картой. Картой города. Картой метро.

На схеме загоралась одна красная точка, потом вторая, третья. Они соединялись линией. Красной линией, которой не было на официальных схемах метрополитена. Она шла параллельно обычным веткам, где-то между ними, где-то в тени, где-то там, куда не ходят поезда.

Линия пульсировала, росла, ветвилась. И на самом ее конце, глубоко под землей, мигала конечная точка. Рядом с ней появилась подпись:

«МХ-1. Мертвая Хорда. Последнее местоположение: сегодня, 23:47».

Сегодня. Сейчас.

Иван вскочил с кровати, едва не споткнувшись о край одеяла. Телефон выпал из рук, но он поймал его на лету. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Он не знал, что делать. Не знал, верить или нет. Но чувствовал одно – надо идти. Немедленно. Прямо сейчас. Если есть хоть один шанс из миллиона, что это правда, он должен идти.

Иван оделся за минуту: джинсы, свитер, куртка, кроссовки. Схватил ключи, телефон, кошелек. Выбежал в коридор. Лифт ехал целую вечность, казалось, минуты три. Наконец двери открылись, он влетел в кабину, нажал кнопку первого этажа и бил по ней несколько раз, будто это могло ускорить спуск.

На улице было холодно. Февраль, ночь, ветер пробирал до костей, задувал под куртку, леденил лицо. Но Иван не чувствовал холода. Он бежал к метро, и шаги его гулко отдавались в пустоте ночного города, и снег скрипел под кроссовками, и фонари расплывались в глазах от быстрого бега.

Красная линия ждала.

Отец ждал.

Глава 2. Самый поздний поезд

Иван вылетел из подъезда, даже не застегнув куртку.

Ночной воздух ударил в грудь, холодный и острый, как лезвие ножа. Февраль в этом году выдался злым – мороз пробирал до костей, заставлял фонарные столбы гудеть на низкой, тягучей ноте. Иван вдохнул полной грудью, и пар вырвался изо рта белым облаком, тут же растворявшимся в темноте.

Он побежал.

Снег скрипел под кроссовками. Дворы мелькали один за другим – одинаковые пятиэтажки, детские площадки, припорошенные снегом машины. Где-то лаяла собака, где-то хлопнула дверь подъезда, но звуки эти доносились будто издалека, сквозь вату.

«Зачем я бегу? – стучало в висках в такт ударам сердца. – Это безумие. Этого не может быть. Приложение-шутка, взломанный аккаунт, дурацкий розыгрыш».

Но ноги не слушались. Они сами несли его вперед, по накатанной годами дороге, которую Иван не ходил пешком уже лет десять. С тех пор как купил первую машину. С тех пор как перестал замечать город иначе, чем через стекло тонированного окна.

Он выбежал на проспект. Редкие машины проносились мимо, шурша шинами по сухому снегу, равнодушно скользя фарами по фигуре бегущего человека. Или не замечая его вовсе. Город спал, укутавшись в рекламные огни и теплый свет окон. Только светофоры моргали желтым, переводя дыхание между ночью и утром.

Впереди, за поворотом, вспыхнула знакомая буква «М» – красная, светящаяся, призывная. Вход в метро.

Иван остановился, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле, готовое выпрыгнуть. Легкие жгло холодом. Он уперся руками в колени, пытаясь отдышаться, и смотрел на эту букву.

«Там ничего нет. Там просто метро. Обычное метро, которое работает до часу ночи. Сейчас половина двенадцатого. Там есть люди, дежурные, пассажиры. Я спущусь, сяду на поезд, доеду до кольцевой и вернусь домой. И завтра всё это покажется глупым сном».

Он выпрямился, глубоко вздохнул и шагнул вниз по ступенькам.

Станция метро «Площадь Восстания» встретила его тишиной.

Это была неправильная тишина. Иван знал это место – вечно гудящее, толкучее, с бесконечным потоком людей, с объявлениями по громкой связи, с лязгом турникетов и шарканьем тысяч ног. В час пик здесь было не протолкнуться. Даже поздно вечером, даже перед закрытием, всегда кто-то брёл, спешил, тащил сумки или просто коротал время, глядя в телефон и слушая музыку в наушниках.

Сейчас здесь не было никого.

Абсолютная, вакуумная, мертвая пустота.

Иван остановился на верхней ступеньке лестницы, ведущей вниз, и замер. Глаза шарили по пространству, пытаясь найти хоть одно живое существо. Никого.

Турникеты стояли открытыми. Все до единого. Их металлические створки замерли в приглашающем жесте, распахнутые настежь, словно кто-то специально открыл все проходы перед одним-единственным пассажиром. Валидаторы не горели, экраны погасли, картоприемники безжизненно чернели дырами. Только желтый свет ламп лился сверху, делая гранитные колонны похожими на надгробные памятники на заброшенном кладбище.

Иван сделал шаг вниз. Потом другой. Его шаги гулко отдавались под высокими сводами, эхо металось от стены к стене, возвращалось многократно усиленным, чужим, незнакомым.

Эскалаторы не работали. Они замерли в неподвижности – широкая серая лента, уходящая вниз, в темноту. Ступеньки, намертво вставшие в вечном ожидании. Иван подошел к краю, посмотрел вниз. Там, глубоко, на платформе, горел свет. И там что-то стояло. Что-то большое, темное.

– Есть кто? – крикнул Иван в пустоту.

Голос ударился о стены, взлетел под своды, заметался в эхе и умер, не встретив ответа. Тишина сомкнулась над ним, как вода над утопленником.

Иван начал спускаться по эскалатору пешком. Ступеньки уходили вниз одна за другой, и он считал их, чтобы не сойти с ума от этого бесконечного спуска.

Десять. Двадцать. Сорок. Сто.

Воздух становился тяжелее, теплее, пропитанным запахом метро – той особенной смесью бетонной пыли, мазута, озона и тысяч людей, проходящих здесь каждый день. Но сегодня к этому привычному запаху примешивалось что-то еще. Что-то сладковатое, тошнотворное, отдающее гнилью.

Иван сбился со счета и перестал считать.

Эскалатор кончился. Иван ступил на гранит платформы и огляделся.

Здесь тоже было пусто. Совершенно пусто. Скамейки без пассажиров, урны без мусора, табло с погасшими огнями, указатели, ведущие в никуда. Свет ламп был тусклым, желтым, каким-то болезненным. Он не столько освещал, сколько создавал тени – длинные, зыбкие, дрожащие при малейшем движении воздуха.

В конце платформы, у самого выхода в тоннель, стоял поезд.

Иван подошел ближе и замер, разглядывая его.

Это был не современный состав, к которому он привык. Не серые, обтекаемые вагоны с электронными табло и кондиционерами. Этот поезд был старым. Очень старым. Таким, какие он видел только в детстве, когда отец возил его в депо.

Синие вагоны с облупившейся краской, ржавые разводы на металле, мутные, в царапинах стекла. На боку головного вагона виднелась табличка, выцветшая, едва различимая: »1977. Мытищинский машиностроительный завод». Рядом, чуть ниже, была еще одна надпись, помельче, сделанная красной краской от руки: »Списано. В музей». Но в музей этот поезд явно не попал.

Внутри горел свет. Тусклый, желтоватый, больничный. Лампы под потолком мигали, потрескивали, бросали неровные тени на потрескавшиеся дерматиновые сиденья.

Двери были открыты. Все до одной. Они стояли распахнутыми, приглашая войти.

Иван подошел к крайнему вагону, заглянул внутрь.

Люди.

В вагоне были люди.

Иван вздрогнул и отшатнулся, но почти сразу взял себя в руки. Люди. Значит, он не один. Значит, все нормально. Просто какой-то старый состав, может быть, музейный, может быть, забытый.

Он шагнул внутрь.

В вагоне было холодно. Не так, как на улице, а по-особенному – могильным холодом, от которого стыла кровь и перехватывало дыхание. Пахло сыростью, старой обивкой и чем-то еще, неуловимым, тревожным.

Иван огляделся.

В углу, у самых дверей, сидели двое мужчин. Рабочие спецовки, замасленные, выцветшие. Лица в глубоких морщинах, руки тяжелые, в мозолях, лежат на коленях. Один курил – папироса тлела в темноте, хотя курить в метро запрещено. Иван хотел сделать замечание, но осекся. Папироса пахла не табаком. Она пахла чем-то горьким, забытым, давно ушедшим. «Примой», maybe? Такие папиросы не продают уже лет двадцать.

Мужчины не двигались. Они сидели, уставившись в пол, и не реагировали на появление Ивана.

Напротив, через проход, сидела женщина. Молодая, в цветастом платке и старомодном пальто с огромным воротником из искусственного меха – такие носили в восьмидесятые. На руках у нее спала девочка лет пяти, укрытая вязаным одеялом. Женщина смотрела в пол, не поднимая глаз, и тихо покачивалась в такт несуществующему движению поезда.

У окна, привалившись к стеклу, дремал старик. На коленях у него лежала газета – пожелтевшая, рассыпающаяся по краям. Иван успел разглядеть заголовок: »Правда. СССР: реформы или застой?» и дату – 1988 год.

Никто не смотрел на Ивана. Никто не обращал на него внимания. Они были как восковые фигуры, как экспонаты музея забытого времени.

Одежда у всех была странной – не просто старой, а чужой, из другой эпохи. Словно они приехали сюда из другого времени, из другой жизни, и застряли в этом вагоне навсегда.

– Здравствуйте, – сказал Иван, обращаясь сразу ко всем.

Тишина.

– Вы не знаете, этот поезд... – начал он, но не договорил.

Женщина с ребенком подняла голову. Медленно, очень медленно, с хрустом, которого не должно быть у живого человека. Посмотрела на Ивана пустыми, ничего не выражающими глазами. В них не было ни удивления, ни страха, ни интереса. Только пустота. Бездонная, черная пустота.

И снова уткнулась взглядом в пол.

Мужчины в углу даже не шевельнулись.

Иван почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он сел на свободное место у окна, подальше от этих странных пассажиров, и уставился в темноту тоннеля.

Поезд тронулся.

Он не издал ни звука – ни привычного гуда двигателей, ни лязга сцепок, ни предупреждающего гудка. Просто плавно качнулся и поплыл вперед, уносясь в черноту тоннеля.

– Площадь Восстания, – прошелестел динамик голосом, похожим на скрип несмазанной двери. – Следующая станция – Маяковская.

Поезд вынырнул на платформу. Двери, и так открытые, не закрывались – они просто остались распахнутыми, но никто не вышел и не вошел.

Платформа «Маяковской» была пуста. Абсолютно, мертво пуста. Ни людей, ни уборщиц, ни дежурных. Только колонны из серого мрамора, только желтый свет и тишина. Такая же, как на «Площади Восстания».

Иван смотрел в окно, и сердце его сжималось. Это неправильно. Этого не может быть. Метро не может быть пустым. Даже ночью, даже перед закрытием, здесь всегда кто-то есть.

Поезд стоял секунд десять. Потом снова качнулся и поехал дальше.

– Маяковская, – прошелестел динамик. – Следующая станция – Достоевская.

Достоевская. Пусто.

– Следующая станция – Владимирская.

Пусто.

– Следующая станция – Пушкинская.

Пусто.

Иван вскочил, подбежал к дверям, выглянул наружу. Платформа «Пушкинской» мелькнула и исчезла. На ней не было ни души. Ни одного человека. Только гранит, колонны и желтый свет.

– Что происходит? – закричал он в пустоту вагона. – Где все?

Пассажиры не ответили. Они сидели все в тех же позах, не реагируя ни на его крик, ни на движение поезда. Двое мужчин в углу курили свои несуществующие папиросы. Женщина с ребенком смотрела в пол. Старик дремал с газетой на коленях.

Иван бросился в тамбур, дернул ручку двери в следующий вагон. Дверь не открылась. Он дергал снова и снова, но она была заперта намертво, будто ее приварили.

Он вернулся на свое место, сел, обхватил голову руками.

– Это сон, – прошептал он. – Просто сон. Сейчас я проснусь.

Он ущипнул себя за руку. Больно. Очень больно.

Он ударил кулаком по сиденью. Тоже больно.

Поезд мчался в темноте, проскакивая станцию за станцией, и нигде не было ни души.

Прошла минута. Вторая. Пятая. Десятая.

Тоннель не кончался.

Иван смотрел в окно, прижимаясь лбом к холодному стеклу, но видел там только черноту. Абсолютную, непроницаемую, густую, как смола. Ни огоньков, ни ламп, ни света в конце. Ничего. Только тьма за стеклом и мерный стук колес, который постепенно становился глуше, словно поезд ехал не по рельсам, а по чему-то мягкому, вязкому, живому.

Он достал телефон. Связи не было. Вообще никакой – ни одного деления, даже значок оператора пропал. Часы на экране замерли на 02:34 и не двигались, хотя Иван чувствовал, что прошло уже полчаса, если не больше.

Он открыл приложение с красной стрелкой. Оно запустилось, но карта была пуста – только одна линия, уходящая в бесконечность, и красная точка в самом начале.

– Где я? – спросил он вслух.

Никто не ответил.

Он поднял глаза и замер.

Вагон был пуст.

Женщина с ребенком исчезла. Исчезли рабочие в углу. Исчез старик с газетой. Сиденья были пусты, только на некоторых остались вмятины, будто кто-то только что сидел здесь.

Иван вскочил, пробежал по вагону, заглянул в тамбур. Пусто. Дернул дверь в следующий вагон – заперто.

Он вернулся на место. Сел. Сжал кулаки, чтобы не дрожать.

– Это сон, – повторил он. – Сон. Сон. Сон.

Но поезд все ехал, и тоннель все не кончался, и холод пробирал до костей, и запах гнили становился все сильнее.

Поезд замедлился.

Иван вскочил, прильнул к окну. Впереди, в темноте, показался свет. Не желтый, не электрический. Красноватый, тусклый, как от догорающих углей, как от заката, хотя заката здесь быть не могло, глубоко под землей.

Платформа.

Поезд остановился. Двери, как и прежде, остались открытыми, приглашая выйти. Иван стоял в проходе, не решаясь ступить наружу. Каждая клетка его тела кричала: сиди, не двигайся, поезд сейчас поедет дальше, ты вернешься домой.

Но поезд не двигался.

Иван сделал шаг к выходу. Потом другой. Вышел на платформу.

Платформа, на которой он оказался, не была похожа на станции метро, которые он знал. Ни мрамора, ни гранита, ни колонн. Голый бетон, покрытый копотью и плесенью. Плитка на полу облупилась, во многих местах провалилась, обнажая черные дыры, из которых тянуло холодом и сыростью. Вверху, под потолком, тускло горели редкие лампы в ржавых клетках.

Вдоль стен тянулись трубы – толстые, в несколько обхватов, опутанные паутиной и кабелями, свисающими с потолка, как лианы в мертвом лесу. Воздух здесь был тяжелым, влажным, пахло гнилью, ржавчиной и еще чем-то сладковатым, тошнотворным.

Иван сделал несколько шагов и остановился.

На стене, прямо перед ним, была надпись. Сделана красной краской, неровными, дрожащими буквами, похожими на детские каракули или на предсмертную записку:

«МХ-1. Мертвая Хорда»

– Мертвая... – прошептал Иван. – Та самая...

Он вспомнил отца. Тот вечер. Красную стрелку на стене технического тоннеля. Слова, сказанные тихим, серьезным голосом: *»Никогда туда не ходи. Даже если позовут«*.

Его позвали.

Иван медленно повернул голову в сторону, куда уходила платформа.

В конце, у самого выхода в следующий тоннель, сидели люди.

Их было много. Десятки, maybe, сотни. Они сидели на корточках вдоль стен, прижимаясь спинами к трубам, друг к другу, к полу. Старики и молодые, мужчины и женщины, в лохмотьях и почти голые. Они не двигались. Не шевелились. Только смотрели перед собой пустыми глазами в никуда.

Иван подошел ближе.

Никто не обернулся. Никто не посмотрел на него. Они были как статуи, как куклы, из которых вынули душу.

Один из них – мужчина лет сорока, в когда-то белой, а теперь серой рубашке, забрызганной чем-то темным, – медленно повернул голову. Очень медленно, с хрустом шейных позвонков. Его глаза встретились с глазами Ивана.

В них не было ничего. Ни боли, ни страха, ни надежды. Только пустота. Черная, бесконечная, засасывающая.

Иван отшатнулся, ударился спиной о трубу и замер, чувствуя, как холод ползет по позвоночнику, заставляя волосы вставать дыбом.

– Новенький?

Голос раздался сзади. Сухой, скрипучий, как ржавая дверь.

Иван резко обернулся.

Перед ним стояла старуха.

Она была в грязном белом халате, замызганном до такой степени, что первоначальный цвет угадывался с трудом. На ногах – разбитые тапки на босу ногу. В руках – мятая жестяная кружка. Лицо – сетка глубоких морщин, седые волосы выбиваются из-под грязной косынки.

Но глаза.

Глаза у неё были живые. Очень живые, умные, внимательные. Они смотрели на Ивана с интересом, с насмешкой, с какой-то древней, усталой мудростью. Таких глаз Иван не видел ни у кого из встреченных здесь.

– На Красную линию приехал? – спросила старуха. – Ну-ну. Давненько у нас свежих не было.

Она подошла ближе, приняхалась, как собака, изучая его запах. Иван попятившись, уперся спиной в трубу.

– Не пугайся, – старуха усмехнулась беззубым ртом. – Они не кусаются. Они уже ничего не хотят.

Она кивнула в сторону сидящих людей.

– Пустые. Забытые. Те, кого никто не ждет наверху. Им здесь и место. Сидят, ждут. Чего ждут – и сами не знают. Может, смерти. Может, чуда. А может, просто так сидят, потому что сил идти дальше нет.

Иван сглотнул. Язык прилип к гортани.

– Вы... вы кто?

– Я? – старуха склонила голову набок. – Санитарка я. Баба Нина. Здесь убираю. За ними слежу, чтобы на рельсы не падали, чтобы друг друга не жрали. Тьфу, не жрали, конечно. Они же ничего не делают, только сидят. Но мало ли.

Она подошла к Ивану вплотную. От нее пахло травами, мазутом и чем-то больничным, стерильным, что никак не вязалось с ее обликом.

– Отца ищешь? Андрея?

Иван вздрогнул, как от удара током.

– Откуда вы...

– Знаю. – Старуха перебила его без тени смущения. – Всех знаю, кто сюда приходит. Двадцать лет ждали. Двадцать лет, Ваня.

Она сунула руку в карман халата и долго там копалась, что-то перебирая. Иван слышал позвякивание металла – много металла, словно в кармане лежала целая горсть монет или ключей. Наконец она вытащила руку.

На морщинистой ладони лежал жетон. Старый, потертый, с выбитым номером:

734

– На, держи, – сказала старуха и сунула жетон Ивану в руку.

Металл был холодным. Тяжелым. Словно не маленький кружок, а целая гирия. Иван сжал его в кулаке, чувствуя, как холод впивается в ладонь.

– Ты теперь наш, Ваня, – сказала старуха уже серьезно, без усмешки. – Правил у нас нет. Красная линия правил не любит. Но одно запомни крепко, на всю жизнь запомни.

Она приблизилась к Ивану вплотную, так что он почувствовал ее дыхание – травяное, горьковатое, с привкусом давно ушедших лет.

– Если услышишь гудок – уйди с рельс. Сразу. Не думая, не оглядываясь. Просто уйди, и все тут. Понял?

Иван кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Старуха отстранилась, еще раз окинула его взглядом, развернулась и пошла вдоль платформы, легко переступая через сидящих пустых, словно их не существовало.

– Пойдите! – крикнул Иван. – Что значит – уйди? Что это за поезд? Куда мне дальше?

Но старуха не ответила. Она шла, не оборачиваясь, и с каждым шагом таяла в красноватом полумраке, пока совсем не исчезла, растворилась в тенях и трубах.

Иван остался один.

Он стоял, сжимая в руке жетон, и смотрел вслед старухе. Потом перевел взгляд на сидящих. Они замерли в тех же позах. Никто не пошевелился.

Тишина давила на уши, заставляла кровь стечь в жилах.

И вдруг он почувствовал вибрацию.

Слабую, едва заметную. Она шла откуда-то из глубины, из-под ног, из рельсов. Иван наклонился, приложил ладонь к холодному металлу.

Рельсы дрожали.

А потом из тоннеля, из той самой черноты, куда уходили рельсы, донесся гудок. Низкий, тяжелый, ледяной. Он пробирал до костей, заставлял зубы стучать, а сердце – сжиматься в комок ужаса.

Гудок повторился. Ближе.

Иван вспомнил слова старухи: «Уйди с рельс. Не думая, не оглядываясь». Он отбежал в сторону, прижался к стене, втиснулся между двумя сидящими пустыми. Они даже не шелохнулись.

Гудок взревел в третий раз – оглушительно, всепоглощающе.

И из тьмы вылетел поезд.

Он был черным. Абсолютно, беспросветно черным – не синим, не серым, а черным, как уголь, как сама ночь, как бездна. По бокам, вдоль всего состава, тянулись красные полосы, похожие на кровавые подтеки, на свежие раны. Фары горели ярко-белым, режущим глаза светом, как хирургический скальпель.

Окна горели багровым светом, и в каждом окне Иван увидел лица.

Они были прижаты к стеклу. Искривленные гримасами ужаса, с раскрытыми ртами в беззвучном крике, с вытаращенными, полными муки глазами. Руки тянулись к стеклу, скребли его, царапали, оставляя кровавые следы. Они смотрели наружу, на платформу, на Ивана, и в их глазах была такая боль, такое отчаяние, что Иван зажмурился, не в силах выдержать этого взгляда.

Поезд пронесся мимо. Ветер ударил в лицо – ледяной, пробирающий до костей, вышибающий дух. Запахло мазутом, гарью и смертью.

А потом все стихло.

Иван открыл глаза.

Поезд исчез в противоположном тоннеле. Только красные огни хвостовых вагонов еще мигали в темноте, становясь все меньше, пока не погасли совсем.

Тишина.

Снова эта давящая, вязкая, бесконечная тишина.

Только гул в ушах. Только стук собственного сердца, готового выпрыгнуть из груди.

Иван стоял, прижавшись к стене, и не мог пошевелиться. Руки дрожали. Ноги подкашивались. Перед глазами все еще стояли лица в окнах черного поезда – искаженные, кричащие, страдающие.

Он разжал ладонь и посмотрел на жетон.

734

Металл был теплым. Странно – минуту назад ледяной, теперь он словно впитал тепло его тела и стал почти родным.

Значит, это не сон.

Иван глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться. Дрожь постепенно проходила. Мысли начинали работать четче, хотя страх все еще сидел где-то глубоко внутри, свернувшись холодным клубком.

Что дальше?

Он огляделся. Платформа уходила в обе стороны – в одну, откуда пришел его поезд, в другую, куда ушел черный. Где-то там должен быть выход. Где-то там должен быть отец.

Он вспомнил уведомление на телефоне. Красную точку на карте. Компас, который дала Санитарка.

Он достал компас из кармана. Стрелка дрогнула, покрутилась и указала в сторону тоннеля, противоположную той, откуда пришел поезд.

Туда, где исчез черный состав.

Туда, где ждал отец.

Иван спрятал компас обратно, сжал жетон в кулаке и шагнул вперед.

Мимо сидящих пустых, мимо облупленных стен, мимо ржавых труб – туда, в темноту тоннеля.

Он не оборачивался.

А сидящие люди за его спиной так и остались сидеть, уставившись в пустоту, – десятки, сотни забытых душ, которым уже никогда не уйти с Мертвой Хорды.

Красная линия приняла нового пассажира.

Глава 3. МХ-1 (Мертвая Хорда)

Иван не знал, сколько простоял, прижавшись спиной к холодной трубе. Сердце постепенно успокаивалось, дыхание выравнивалось, но дрожь в руках никак не проходила. Перед глазами все еще стояли лица в окнах черного поезда – искаженные, кричащие, умоляющие.

Он заставил себя глубоко вдохнуть. Выдохнуть. Еще раз.

– Я здесь, – сказал он вслух, чтобы услышать свой голос. – Я жив. Я здесь.

Голос прозвучал глухо, сипло, но это был его голос. Это было важно.

Иван отлепился от трубы и сделал несколько неуверенных шагов вперед. Ноги слушались плохо, но слушались. Он жив. Он может двигаться. Значит, надо двигаться.

Он поднял фонарик, который выронил во время появления черного поезда, и посветил вокруг. Луч выхватил из темноты куски реальности: ржавые трубы, облупившиеся стены, груды какого-то тряпья в углах.

И люди.

Они сидели вдоль стен – десятки, может быть, сотни. Иван подошел ближе, стараясь ступать осторожно, чтобы не спугнуть их, не потревожить. Но они и не собирались реагировать. Они сидели в тех же позах, в каких он оставил их, когда бежал от черного поезда.

Иван остановился перед молодым мужчиной в когда-то белой, а теперь серой рубашке. Тот сидел, прислонившись спиной к трубе, и смотрел прямо перед собой. Глаза его были открыты, но взгляд отсутствовал. Абсолютно, полностью отсутствовал.

– Здравствуйте, – тихо сказал Иван.

Никакой реакции.

– Вы меня слышите?

Мужчина не шелохнулся. Даже веко не дрогнуло.

Иван протянул руку и осторожно коснулся его плеча. Плечо было холодным. Не ледяным, как у трупа, а просто холодным – как камень, который долго лежал в тени. Живое тепло отсутствовало.

Мужчина медленно, очень медленно, с едва слышным хрустом шейных позвонков повернул голову. Его глаза встретились с глазами Ивана.

Иван отшатнулся.

В этих глазах не было ничего. Абсолютно ничего. Ни боли, ни страха, ни гнева, ни печали, ни радости. Даже любопытства не было. Только пустота. Черная, бесконечная, как тот тоннель, из которого пришел черный поезд.

Мужчина смотрел сквозь Ивана. Сквозь стены. Сквозь время. Потом так же медленно отвернулся и уставился обратно в стену.

– Пустые, – прошептал Иван, вспомнив слово Санитарки. – Они пустые.

Иван отошел от пустых и продолжил осматривать платформу. Теперь, когда первый шок прошел, он мог разглядеть детали.

Станция МХ-1 когда-то была обычной станцией метро. Он видел остатки былой роскоши: мраморные колонны, почерневшие от копоти, но все еще угадываемые; фрагменты лепнины на потолке; гранитный пол, местами провалившийся, но кое-где сохранивший полировку.

На стенах висели старые плакаты. Иван подошел поближе, посветил фонариком.

«Слава КПСС – знамя наших побед!» – гласил один, с изображением улыбающихся рабочих и красных знамен.

«Метрострой – гордость страны!» – вторил другой, с рисунком тоннелепроходческого щита.

«Берегите метро – оно наше общее достояние!» – призывал третий.

Краска на плакатах выцвела, облупилась, местами осыпалась, но слова все еще можно было прочитать. Они были из другой эпохи, из другого мира, который Иван знал только по фильмам и рассказам родителей.

В углу платформы стоял автомат с газировкой. Старый, ржавый, с разбитым вдребезги стеклом. Иван заглянул внутрь – пусто, только паутина и какие-то дохлые насекомые. Рядом валялась груда мусора: ржавые банки, обрывки газет, чей-то ботинок, старая каска.

Иван поднял каску. На ней еще читалась надпись: »Метрострой. Бригада №7». Он повертел ее в руках и положил обратно.

На стенах, поверх официальных плакатов, были надписи. Много надписей. Они покрывали каждый свободный сантиметр, нацарапанные гвоздями, выжженные чем-то, написанные краской и кровью.

«Здесь был Вася, 2007. Я так и не вышел»

«Мама, я тебя люблю. Прости»

«Красная линия – это ад. Не верьте, кто говорит, что здесь можно жить»

«Идите на хуй, мусора. Я здесь свой»

«Вероника, я тебя найду. Клянусь»

«Тьма. Тьма. Тьма. Тьма»

«Кто прочитает это – помяните раба Божьего Алексея. 1995-2018»

Иван читал и чувствовал, как к горлу подступает ком. Каждая надпись была чьей-то судьбой, чьей-то болью, чьей-то последней надеждой. Эти люди тоже пришли сюда. Они тоже искали что-то или кого-то. И многие остались здесь навсегда.

– Первый раз всегда страшно.

Иван резко обернулся, сжимая в руке фонарик, готовый защищаться.

В двух шагах от него стоял человек.

Молодой мужчина, лет тридцати, в грязном длинном пальто, которое когда-то было дорогим, а теперь превратилось в промасленную, местами порванную тряпку. Русые волосы свалились, на щеках – щетина нескольких дней. Под глазами – темные круги, глубокие, как тоннели.

Но глаза были живыми. Усталыми, измученными, но живыми. В них читалась мысль, боль, надежда – все то, чего не было у пустых.

– Ты... вы кто? – спросил Иван, не опуская фонарик.

– Сережа, – мужчина улыбнулся одними губами. В улыбке не было веселья, только усталость и какая-то горькая ирония. – Просто Сережа. Не бойся, я не пустой. Еще не пустой.

Он подошел ближе, и Иван заметил, что пальто на нем порвано в нескольких местах, а ботинки замотаны синей изолентой.

– Ты с поезда? – спросил Сережа. – С того, старого, синего?

Иван кивнул, все еще не убирая фонарик.

– Я так и подумал. – Сережа потер лицо ладонью, словно пытаясь проснуться после долгого сна. – Новенькие всегда на нем приезжают. Раз в полгода, maybe, реже. А я тут уже... – Он замолчал, словно забыл, сколько времени прошло. – Пойдем, – сказал он наконец. – Здесь нельзя долго стоять. Пустые – они не опасны, но от их взглядов можно свихнуться. Я знаю.

Иван не двинулся с места.

– Куда идти?

Сережа посмотрел на него с удивлением.

– А ты что, знаешь, куда тебе надо?

– Ищу отца.

Сережа присвистнул тихо, сквозь зубы.

– Ну, тогда нам точно по пути. Я тоже ищу. Только не отца – дочь.

Они отошли в дальний конец платформы, подальше от пустых, и сели на груды какого-то тряпья. Сережа достал из-за пазухи помятую жестяную флягу, отхлебнул, протянул Ивану.

– Вода, – сказал он. – Не бойся, не отравишь. Здесь вода чистая, из-под земли. Метро насквозь пронизано ключами.

Иван сделал глоток. Вода действительно была чистой, холодной, с легким металлическим привкусом. Живительная влага.

– Я архитектор, – заговорил Сережа, глядя куда-то в темноту тоннеля. – Был архитектором. Проектировал жилые комплексы. Деньги, машина, квартира, все дела. Жена, дочка – Алиса, пять лет.

Он замолчал, сжал флягу так, что побелели костяшки.

– В парк пошли гулять. Обычный воскресный день. Солнце, дети, шарики. Она побежала за шариком, я отвлекся на телефон. Рабочий звонок, срочный проект. Всего на минуту. А когда поднял голову – ее не было. Нигде. Совсем.

Иван молчал, боясь спугнуть этот тяжелый рассказ.

– Милиция перерыла все. Волонтеры искали. Квартал за кварталом, лесопарк, стройки, подвалы. Ни следа. Через месяц сказали: скорее всего, маньяк. Дело закрыли.

Сережа горько усмехнулся.

– А я через полгода запил. Жена ушла – не выдержала. Работу потерял. Квартиру продал – все искал, тратил деньги на частных детективов, на экстрасенсов, на кого попало. Объездил полстраны, везде, где видели похожих детей.

Он повернулся к Ивану. В глазах стояла такая боль, что Ивану стало физически холодно.

– А потом мне приснился сон. Будто Алиса сидит в вагоне метро, в старом таком, синем, и стучит в стекло. Стучит и плачет, зовет меня. Я проснулся и пошел. Сел на поезд и поехал. Думал, с ума сошел. А приехал сюда.

– И сколько ты здесь? – спросил Иван.

Сережа пожал плечами.

– Не знаю. Месяца три? Полгода? Год? Здесь время по-другому течет. Иногда кажется – день прошел, а на самом деле неделя. Иногда наоборот – идешь, идешь, а времени прошло всего ничего.

Он спрятал флягу обратно за пазуху.

– Я не могу вернуться, пока не найду ее. И не уйду. Только вперед.

– Расскажи мне про это место, – попросил Иван. – Я ничего не понимаю.

Сережа кивнул, словно ожидал этого вопроса. Он подобрал с пола ржавый гвоздь и начал чертить на пыльном полу, объясняя, как учитель нерадивому ученику.

– Красная линия – это не место в обычном понимании. Это состояние. Мир забытых душ. Понимаешь? Люди наверху живут своей жизнью, а часть их души остается здесь. Кто-то

потерял близкого, кто-то потерял себя, кто-то просто сдался. И вот эти осколки, эти кусочки боли, они собираются здесь.

Он нарисовал круг.

– Это МХ-1, где мы сейчас. Первая станция после выхода из обычного мира. Тут все начинается. И тут же заканчивается, если не повезет.

– А пустые? – Иван кивнул в сторону сидящих.

– Пустые – это те, кто потерял все. У них не осталось ничего, даже желания двигаться, даже желания жить. Они сидят и ждут, пока время сотрет их окончательно. – Сережа понизил голос. – Но есть и другие. Те, кто сохранил себя. Кто ищет, борется, надеется. Они живут на станциях. Настоящих станциях, где можно укрыться, поесть, поспать.

Он перечислил, загибая пальцы:

– Сортировочная – там менялы и торговцы, но осторожно, там бандиты. Они грабят новичков, если те неосторожны. ЗИЛ – бывший завод, там коммуна, люди держатся вместе, помогают друг другу. Торфяная – это поселение, там дети, там безопасно, если найдешь общий язык. А дальше...

Он запнулся, и в глазах его мелькнул страх.

– Дальше Болота. И Туннель Смерти. И Свалка. Там живет Хозяин. Туда лучше не соваться без крайней нужды. Оттуда мало кто возвращается.

– А кто такие Смотрители? – спросил Иван.

Сережа оглянулся, словно боялся, что их услышат.

– Смотрители – это бывшие менты, военные, охранники. Они пытаются поддерживать порядок. Чтобы пустые на рельсы не падали. Чтобы новичкам помогали, если те не агрессивны. Чтобы бандиты на Сортировочной совсем не обнаглели.

– Они хорошие?

– Разные. – Сережа пожал плечами. – Есть хорошие, есть не очень. Но они хотя бы пытаются. Главное правило, которое они следят: не ходить по путям, когда идет поезд. Не прыгать к составу. И не воровать у своих.

– А если нарушить?

Сережа усмехнулся, но усмешка вышла невеселой.

– Тогда отправят в Тупик. Это конечная станция, Ваня. Оттуда никто не возвращается. Вообще никто.

Наступила очередь Ивана.

Он рассказывал сбивчиво, волнуясь, но Сережа слушал внимательно, не перебивая, только иногда кивал. Про отца-машиниста, который ушел на работу и не вернулся. Про пустой гроб и похороны. Про двадцать лет молчания. Про пустую жизнь наверху, полную вещей и лишнюю смысла. Про уведомление на телефоне, которое заставило его бежать ночью в метро.

– И я здесь, – закончил Иван. – Ищу его.

Сережа долго молчал, переваривая услышанное. В его глазах читалось удивление, смешанное с надеждой.

– Машинист, – наконец сказал он тихо. – Твой отец – Машинист?

– Санитарка так сказала. И на Сортировочной один старик... Петрович... тоже говорил про Депо.

Сережа присвистнул, на этот раз громко и протяжно.

– Ну, Ваня, ты даешь. Здесь легенда ходит про Машиниста. Тот, кто водит поезда по Красной линии. Единственный, кто умеет управлять составом, кто может заставить поезд идти туда, куда нужно, а не куда ему вздумается.

– Легенда?

– Ну, некоторые говорят, что его вообще нет. Что это сказка для новичков, чтобы не теряли надежду. – Сережа понизил голос до шепота. – Но другие... другие говорят, что он есть. Что он ходит по линии, собирает души. И что он сильнее всех, даже Хозяина Свалок.

Он посмотрел на Ивана с новым интересом, почти с благоговением.

– Если твой отец – тот самый Машинист, то ты, может, единственный, кто может до него дойти.

– Почему?

– Потому что кровь. Потому что память. Потому что... – Сережа не договорил.

Вдалеке, со стороны тоннеля, слышались голоса. Много голосов. И шаги – тяжелые, уверенные, приближающиеся.

Иван вскочил, готовый бежать, но Сережа жестом остановил его.

– Тихо. Не дергайся. Это Смотрители. Они патрулируют МХ-1 раз в... ну, когда им надо. Просто стой и молчи. На вопросы отвечай коротко. И жетон покажи.

Из темноты тоннеля вышли люди.

Человек десять, все в черных куртках, с дубинками в руках. Шли они уверенно, цепью, прочесывая пространство. Впереди – детины под два метра ростом, со шрамом через все лицо, от левого виска через глаз до подбородка. Глаз был мутный, белый – видимо, не видел.

Главный остановился в двух шагах от Ивана и Сережи, окинул их тяжелым, оценивающим взглядом.

– Кто такие?

Голос низкий, рокочущий, как приближающийся поезд.

Сережа шагнул вперед, загораживая Ивана.

– Свои, Сергеич. Я – Сережа, был тут позавчера, помнишь? А это новенький. Только с поезда. Час назад, таубе, два.

– Новенький? – Главный, которого Сережа назвал Сергеичем, перевел взгляд на Ивана.

– Жетон есть?

Иван протянул руку, разжал ладонь.

734

Сергеич взял жетон, повертел в пальцах, посмотрел на свет красноватого сияния, которое здесь заменяло освещение. Вернул.

– Чей? – спросил он коротко.

– Санитарка дала. Баба Нина.

При этих словах несколько Смотрителей переглянулись. Сергеич чуть приподнял бровь – единственное движение на каменном, изрезанном шрамами лице.

– Санитарка, значит. Редко она жетоны раздает. Только тем, кто... – Он не договорил, махнул рукой. – Ладно. Слушай сюда, новенький. Правила простые. Запоминай с первого раза.

Он начал загибать пальцы:

– Первое: по путям не ходить, когда идет поезд. Если услышал гудок – уйди с рельс, прижмись к стене и не рыпайся. Второе: к составам не прыгать, на подножки не виснуть. Увезут – не вернешься. Третье: пустых не трогать, они не твои. Четвертое: воровать у своих – в Тупик. Пятое: в тоннели без фонаря не соваться. Заблудишься – сожрут. Понял?

– Понял, – кивнул Иван.

Сергеич посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом, словно запоминая лицо, сканируя душу. Потом развернулся и пошел дальше. Смотрители двинулись за ним, исчезая в темноте другого тоннеля так же внезапно, как появились.

Иван выдохнул, чувствуя, как напряжение отпускает мышцы. Сережа хлопнул его по плечу.

– Нормально. Первый раз всегда страшно, но ты справился. Сергеич мужик правильный. Если бы ты был бандитом, он бы тебя сразу раскусил.

Они собрались уходить, когда из темноты снова появилась одинокая фигура. Это был Сергеич – он вернулся один, оставив своих где-то в тоннеле.

– Забыл сказать, – произнес он, подходя ближе. Голос его звучал тише, почти доверительно. – Ты, новенький. Куда идешь-то?

– На Депо, – ответил Иван. – К отцу.

Сергеич кивнул, словно ожидал этого ответа.

– До Депо далеко. Через Сортировочную, через ЗИЛ, через Торфяную. Потом Болота. Потом Туннель Смерти. Потом Свалка. Не дойдешь один.

– Я помогу, – встрял Сережа.

Сергеич посмотрел на него с сомнением.

– Ты сам еле ноги таскаешь. Но дело ваше. Я вот что скажу: есть на Торфяной баба, Наталья зовут. Она всех знает, кто по линии ходит. Если кто и знает, как к Машинисту пройти, так это она. Только она не каждому скажет. Заслужить надо.

Он протянул Ивану что-то – небольшой армейский фонарик, тяжелый, металлический, с толстой рукояткой и ремешком.

– Держи. В тоннелях темно, а этот светит долго. Аккумулятор сам заряжается, здешней энергией. Я таких много наделал.

Иван взял фонарик, чувствуя тепло металла.

– Спасибо...

– Не за что. – Сергеич уже повернулся уходить, но остановился. – И еще: на Болотах главное – не останавливаться. Что бы ни видел, кого бы ни слышал – иди, не останавливайся. Если остановишься – утонешь. В прямом смысле. Понял?

– Понял.

Сергеич кивнул и исчез в темноте, растворился в ней, как будто его и не было.

Иван и Сережа стояли на краю платформы. Рельсы уходили в черноту тоннеля, теряясь где-то далеко, в неизвестности. Красноватый свет позади них казался почти уютным по сравнению с этой чернотой.

– На Торфяную, значит, – сказал Сережа. – Правильно Сергеич сказал. Наталья – это наша надежда. Она знает всех, кто здесь появлялся за последние годы. Может, и про Алису знает. И про твоего отца.

– Ты пойдешь со мной? – спросил Иван.

Сережа усмехнулся.

– А куда мне еще идти? Я полгода тут болтаюсь, все без толку. А с тобой, глядишь, и повезет. К тому же... – он запнулся, подбирая слова. – Ты напоминаешь меня. Каким я был, когда только спустился. Еще не сломанным. Еще верящим, что все получится.

Они помолчали, глядя в темноту.

– Ну что, – сказал Иван, сжимая в кармане жетон и компас. – Пошли?

– Пошли. – Сережа прыгнул на рельсы первым, ловко приземлившись на щебень. – Только запомни: в тоннеле не оборачивайся. Никогда. Что бы ни услышал сзади – не оборачивайся. Иначе пропадешь. Химеры любят играть в такие игры.

Иван прыгнул следом. Под ногами захрустел щебень. Рельсы блестели в свете фонарика, уходя в бесконечность.

– Сережа, – окликнул он.

– А?

– А если позовут по имени? Тоже не оборачиваться?

Сережа обернулся – и тут же замер, увидев выражение лица Ивана.

– Ты чего?

– Ты обернулся, – тихо сказал Иван.

Сережа побледнел. Секунду они смотрели друг на друга. Потом Сережа сплюнул на рельсы и зашагал быстрее.

– Пошли. Надеюсь, не успел ничего подцепить. Просто запомни: если кто-то зовет тебя по имени сзади – это не человек. Это химера. Или хуже.

– Что может быть хуже?

– Хозяин Свалок. – Сережа говорил на ходу, не оглядываясь. – Он умеет принимать любой облик. Может стать твоим отцом, дочкой, женой. И ты пойдешь за ним. И не вернешься.

Они шли по тоннелю, и с каждым шагом платформа МХ-1 оставалась все дальше. Красноватый свет таял, сменяясь непроглядной тьмой, которую разгонял только луч фонарика.

Где-то впереди ждала Сортировочная.

Где-то впереди ждал отец.

Где-то впереди ждала надежда.

А сзади, в темноте, уже шевелилось что-то, что не должно было существовать.

Иван не оборачивался.

Глава 4. Правила движения

Переход от платформы МХ-1 к тоннелю был почти незаметен. Только что под ногами был бетон, и вдруг он сменился щебнем, шпалами, рельсами. Свет позади таял, и через минуту Иван и Сережа оказались в полной темноте, которую разгонял только луч фонарика.

Иван шел первым, освещая путь. Сережа держался чуть сзади, то и дело оглядываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.